

ЭТНОЛОГИЯ

Р.Ю. Федоров, Л.А. Аболина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: r_fedorov@mail.ru
НПО «Красноярская Геоархеология»
Проспект Мира, 25, стр. 1, Красноярск, 660049
E-mail: larisa-abolina@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ БРАТСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

В начале XX в. на территории современного Братского района Иркутской области появился ряд деревень, основанных переселенцами из Белоруссии, с Украины и из Псковской губернии. Анализ устных историй, собранных у потомков белорусских переселенцев в ходе проведенной в 2017 г. этнографической экспедиции, а также визуальный осмотр жилых и хозяйственных построек показали, что народная архитектура сохранила некоторые традиционные особенности. Такие проявления традиционной материальной культуры, как пища и одежда, оказались быстрее подвержены трансформациям, чем объекты архитектуры.

Ключевые слова: белорусы, Братский район, крестьянские переселения, этнокультурная идентичность, культура жизнеобеспечения, материальная культура.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-147-155

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00028.

В большинстве публикаций, посвященных традиционной культуре восточно-славянского населения Среднего Приангарья, рассматриваются поселения, которые были основаны русскими старожилами в XVII–XVIII вв. В то же время деревни, возникшие на территории этого географического района в начале XX в. во время аграрной реформы П.А. Столыпина, так и не стали объектом специальных исследований. К примеру, экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР (1955 г.) и Ангарского отряда Института этнографии АН СССР (1957–1958 гг.), проведенные незадолго до затопления территорий под Братское водохранилище, охватили преимущественно северную часть Братского района Иркутской области, где были сосредоточены старожильческие поселения [Вагнер, 1956; Сабурова, 1967; Быт и искусство..., 1971]. Начиная с 1960-х гг. исследования материальной культуры сельских поселений района периодически осуществлялись Братским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории, позднее — Братским краевым музеем (с 1990 г. — Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары). С 2013 г. экспедиции с целью изучения народной архитектуры Братского района проводились А.Ю. Майничевой [Майничева, 2013; Майничева, Глухих, 2014, 2015 и др.]. При этом расположенные на юго-западе района переселенческие деревни на протяжении многих лет не исследовались. Исключением являются лишь несколько этнографических экспедиций, материалы которых не публиковались и потому остаются неизвестными. В 1975 г. экспедиция под руководством О.М. Леонова при участии А.В. Ополовникова и Е.А. Ополовниковой изучала деревянное зодчество деревень и сел, расположенных на юге Братского района Иркутской области. В отчете о работе экспедиции отмечено, что «район среднего течения р. Ия начал заселяться значительно позднее Ангары и низовьев рек Оки и Ии — в конце XIX — начале XX в. за счет организованного переселения крестьян из западных областей России и из Белоруссии» [Отчет..., 1975, с. 2]. По мнению участников экспедиции, это «наложило своеобразный отпечаток на характер жилых и хозяйственных построек, на планировку сел, которые значительно отличаются от ангарских, в неизмеримо большей степени сохранивших чер-

ты древнерусского деревянного зодчества» [Там же, с. 2–3]. В 2014 и 2016 гг. Братским городским объединенным музеем истории освоения Ангары под руководством М.А. Глушенко были осуществлены экспедиции, изучавшие особенности материальной культуры расположенных на юге района деревень, в которых проживали столыпинские переселенцы [Глушенко, 2017].

В мае 2017 г. совместно с Братским городским объединенным музеем истории освоения Ангары нами проведена этнографическая экспедиция, охватившая расположенные на юго-западе Братского района Иркутской области переселенческие деревни Зарьбь, Илир, Чистяково, Карай, Кардой и Леоново, где проживают потомки белорусских крестьян-переселенцев. В задачи экспедиции входило выявление как наиболее стойких особенностей, так и трансформаций элементов их материальной культуры, связанных с процессами адаптации переселенцев к новым природно-климатическим условиям и этническому окружению, которым являлись русские старожилы, а также переселенцы из Украины и Псковской губернии. В фокусе нашего внимания были жилые постройки, пища, одежда, как атрибуты/элементы, наиболее долго и полно сохраняющие характерные традиционные черты в культуре белорусских переселенцев. Особенности пищи и одежды реконструированы по устным рассказам представителей преимущественно второго и третьего поколений переселенцев, рожденных в 1930–1960-е гг. В дополнение к ним были произведены визуальный осмотр и фотофиксация жилых и хозяйственных построек. Собранные в ходе экспедиции материалы мы сопоставили с имеющимися этнографическими описаниями, сделанными в местах выхода переселенцев, а также с особенностями традиционной культуры русского старожильского населения Приангарья. Принимая во внимание фрагментарность содержащихся в рассказах информаторов сведений, относящихся к традиционной материальной культуре, мы не претендуем на полноту ее описания и анализа; ограничимся рассмотрением лишь некоторых, наиболее стойких ее особенностей, выявленных в ходе экспедиции.

На сегодняшний день этническая идентичность потомков белорусских переселенцев в разных семьях сильно варьируется. Отдельные представители старшего поколения считают себя белорусами. В то же время в большинстве рассказов информаторов подчеркивается, что белорусами были только их предки — первооселенцы. Русские, проживающие в деревнях Братского района, называют потомков от смешанных браков между белорусскими и украинскими переселенцами «хохлами». Это название можно рассматривать в качестве своеобразного этнокультурного стереотипа, который, по всей видимости, связан с внешним сходством диалектных особенностей речи переселенцев. Еще одна, значительная по числу группа переселенцев носила название «скобари», являвшееся региональным самоназванием жителей Псковской губернии [Манаков, Евдокимов, 2013; Герасимов, 2015].

Большинство опрошенных в ходе экспедиции переселенцев называли русских старожилов *челдонами*, что имело повсеместное распространение на территории значительной части земледельческой зоны Сибири [Бережнова, 2012]. В памяти переселенцев сохранились истории, в которых челдоны, считавшие себя хозяевами этих мест, активно отстаивали свои права на лучшие угодья. К примеру, вот как описала обстоятельства основания д. Зарьбь проживающая в ней Мария Николаевна Рогова (Залепа), 1940 г.р., отец которой был украинцем, а мать — белоруской: *Свекровка говорила, что деревню надо было строить на Зарбинке речке, она в семи километрах отсюда. Один дом или два построили, а все листовяк, сосняк, поля надо было разрабатывать, а его было трудно корчевать, толстые деревья были. А потом уже ходоки, три мужика пришли. Пошли разведывать, где березничные поляны. Березняк легче разрабатывать, и земля черная. А листовяки, там подзолистая, белая земля, и она не плодородная. Когда прошли, тут несколько было полян таких березничных, и они пошли туды. А там уже челдоны отпихнули их назад. Это, говорят, наши поляны, поля наши. Там и речка, там очень хорошие черные поля, земля хорошая, а у нас в Зарбе не очень — глинистая. Кое-где такие есть черные земли. Даже в деревне в огороде не у каждого. Другой житель д. Зарьбь — Леонид Яковлевич Чайка, 1965 г.р., предки которого были выходцами из Гродненской и Черниговской губерний, отмечал: *Челдонами называли жителей деревни Бада. Они люди вредные были. По ягоды пойдут женщины, а раньше клубничкой было все усыпано, они на конях обычно подъезжают, слезут — эту корзину опрокинут, растопчут. Траву не топчите их.**

Население д. Зарьбь делилось на переселенческие сообщества скобарей и хохлов: *В Зарби половина деревни скобари на ту сторону, на эту сторону полдеревни хохлы. Так были у них скандалы, драки. Дрались в основном молодежь. Девочек, наверно, не поделили. Кулаками друг друга побьют* (Рогова (Залепа) Мария Николаевна, 1940 г.р., д. Зарьбь). По рассказу Любови

Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района...

Федоровны Тарасенко, 1961 г.р., из д. Карай, в ее деревне стычки, наоборот, чаще происходили между пожилыми людьми. При этом большинство конфликтов между старожилами и переселенцами из разных регионов носили бытовой, а не этнический характер.

В ряде обследованных деревень Братского района переселенцы из разных регионов старались сохранить свою общность и компактно селились на разных улицах. К примеру, в д. Илир были Скобарская, Низовая и Заречная улицы: *Наша улица Скобарская. А там челдонье жило. Мы по-скобарски говорили. С челдонам в юности драка была. Они за речкой Низовая были стенка на стенку все. Брату однажды дали оглоблей по голове* (Драгунова Татьяна Филипповна, 1936 г.р., с. Илир).

Благодаря переездам из одного поселения в другое, а также посещениям соседних деревень в связи с хозяйственными контактами или праздниками представители разных территориально-этнографических групп, проживавших в Братском районе, неоднократно описывали в устных рассказах отмеченные ими сходство или различие в отдельных элементах их традиционной культуры. К примеру, у проживающей в д. Кардой Зинаиды Федоровны Томышевой, 1939 г.р., бабушка относилась к скобарям, а предки по линии отца жили в находившейся неподалеку д. Карай и были белорусами. Характеризуя особенности культуры питания жителей соседних деревень, З.Ф. Томышева отмечала, что челдоны любили готовить сдобную выпечку, тогда как белорусы и скобари чаще всего пекли лепешки, которые ели, макая в творог со сметаной. Блюда из картофеля одинаково любили как белорусы, так и скобари, однако рецепты приготовления у них различались. Так, проживавшие в Карае белорусы предпочитали распространенное на родине их предков блюдо под названием «бабка» из тертого картофеля с добавлением мяса или сала, запекаемое в горшке, тогда как скобари, жившие в Кардое, чаще делали из картофеля галушки, которые отваривали в воде или молоке. Потомок русских старожилов Капитолина Ильинична Номоконова (Мионова), 1939 г.р., переселившаяся в д. Чистяково, в которой преобладало белорусское население из п. Ангарстрой Аларского района Иркутской области, отмечала, что среди ранее незнакомых ей блюд были клецки и драники, а когда варили холодец, белорусы, в отличие от русских, не убирали из него кости.

М.Н. Рогова (Залепа) описала ряд блюд, которые готовила ее мать — потомок белорусских переселенцев: *Моя мамка любила крупеню. Вода закипела, в чугунок кусочек мяска положишь, насыплешь стакан два пшеницы, ложку сметанки лянут, когда уже сварится. Летом часто варили ботвинью — суп из стеблей и листьев свеклы: На поле мама, помню, идет, вот такая крынка — из лебеды, из бурачного листа, сейчас мы окрошкой называем, а у нас называлась — ботвинья. Она тоже на квасу, со свежим огурцом. Свекольный лист ошпаривался. Если курица кто держал, туда яйцо крошили, ложку сметаны добавляли.* Распространенный на территории Белоруссии суп под названием «полевка» в д. Зарбь являлся важным ритуальным блюдом. С него, как правило, начиналась поминальная трапеза. Для приготовления полевки вначале делали *расчину* — смесь муки и воды, которую оставляли на несколько дней для того, чтобы она закисла. Иногда для более быстрого закисания в нее добавляли корку ржаного хлеба. Затем расчину заваривали в кипящей воде, добавляя в нее мясо. Заправляли полевку сметаной (при ее наличии). Среди блюд из картофеля в семье М.Н. Роговой часто готовили *комы* — шарики из картофельного теста, которые отваривали в воде или запекали в печи. На праздники делали лапшу из крахмала и яиц. Ее пекли в виде блина, затем разрезали на кусочки и потом добавляли в куриный суп. Из мучных блюд делали толокно. Для его приготовления овес поджаривался в печи. Затем его толкли в супе или перемалывали на мельнице. Для употребления в пищу измельченное зерно разводили холодной водой. Еще одно мучное блюдо называлось *колотухой*: *Когда есть особо нечего было, муку сэкономили, кипяток закипит, а потом уже эту муку в подсоленную водичку засыпают, и она как кисель, погуще бывает. Это блюда называли колотуха у белорусов. На колотуху нужно меньше муки, а на хлеб слишком много надо. Вот так люди и выживали на этой колотухе.* На территории Белоруссии колотуха была довольно распространенным блюдом. По этнографическим описаниям второй половины XIX в., она чаще всего готовилась из гречневой, гороховой или бобовой муки [Шейн, 1903, с. 31]. У белорусских переселенцев Братского района ингредиенты для этого блюда варьировались в зависимости от их наличия в той или иной семье.

В д. Карай варили щи из «серой капусты» — так белорусы называли небольшие зеленые кочаны, которые крупно рубили и солили отдельно от белых. По рассказу Л.Ф. Тарасенко, когда наступали морозы, капусту на зиму нарубали топором пластинами, заливали водой и замораживали в бочках, а не квасили, как это делали сибиряки. Эту капусту потом тушили со свиной костью в чугуне.

Из мяса в рационе белорусских крестьян-переселенцев преобладала свинина. Как отмечала Л.А. Молчанова, «употребление свинины, характерное и для украинцев, отличает белорусскую кухню от русской, где говядина и баранина с давних времен преобладали в повседневном питании, а свинина появлялась только по праздникам» [1968, с. 200]. Почти во всех семьях запасали сало, которое использовалось при приготовлении многих блюд.

Среди традиционных напитков у переселенцев широкое распространение имел квас. Его ставили на березовом соке, в который клали ржаные лепешки. Во многих деревнях переселенцев делали муку из черемухи. Заварив кипятком, в нее макали блины и сушки, также из нее варили кисели.

Традиционные способы хранения продуктов у переселенцев имели свои особенности, сложившиеся за время проживания в отличных от их родины природно-климатических условиях. Жители д. Карай хранили бочки с засоленным салом и рыбой в амбаре. Иногда для охлаждения продуктов бочки наполовину вкапывали в землю, так как она здесь промерзала на глубину до 2 м и летом являлась естественным охладителем. К тому же амбары в Карае крыли лиственничной корой в несколько слоев, за счет этого в них дольше удерживалась прохлада от земли. Большинство жителей исследованных в ходе экспедиции деревень хранили картофель в подпольях, расположенных под жилым помещением. По описаниям, сделанным М.Н. Роговой (Залепой) из д. Зарьбь, в их усадьбе был погреб-ледник, называемый «яма». Он находился во дворе под навесом. Нижняя часть погреба наполнялась снегом или льдом. Поверх него на клеенке оставляли мясо, масло и сметану. Кроме них в леднике хранили сало в бочке, а также консервированные овощи и варенье. В деревнях Карай и Чистяково также встречались подвалы с боковым входом, напомилавшие распространенные на территории Белоруссии «склепы».

Воспоминания, связанные с традиционной одеждой, значительно меньше сохранились в памяти потомков белорусских переселенцев Братского района. В первой половине XX в. во многих семьях выходцев из Белоруссии повседневную одежду изготавливали из льна. Из льняного холста шили рубахи, юбки, штаны. Такую холщевую одежду чаще всего красили лиственничной корой, придававшей ей красный или темно-коричневый цвет. По рассказу М.Н. Роговой (Залепы), в окрестностях д. Александровки, находившейся в болотистой местности, местные жители брали «черную землю», которую также использовали в качестве красителя для одежды. Из шерстяной ткани женщины шили клетчатые юбки — *андараки*, имевшие повсеместное распространение на территории Белоруссии. Ввиду отсутствия липового лыка первые поколения переселенцев делали лапти из лозы или бересты. Вербочные лапти из льна называли чунями. На территории Белоруссии такие виды лаптей встречались довольно редко, несмотря на их большую устойчивость к сырости. Это было связано со сложностью добывания и обработки бересты и экономией льна [Молчанова, 1968, с. 178]. В более зажиточных семьях переселенцев шили чирки из свиной или овечьей кожи. Л.М. Сабурова отмечала характерное для русского старожильческого населения Приангарья отсутствие плетеной обуви и употребление чирков как наиболее универсальной мужской и женской обуви [1967, с. 142–143]. В то же время, по наблюдениям Е.Ф. Фурсовой, большинство белорусских переселенцев начали заменять лапти на кожаную обувь уже в Сибири [2015, с. 237]. Исходя из этого изготовление переселенцами чирков можно отнести к заимствованиям, которые были продиктованы необходимостью адаптации к более суровым природно-климатическим условиям.

Первые жилые постройки переселенцев были небольшого размера и назывались *хата*. В д. Карай в хатах от стены до печи (на высоте ее пода) располагался настил из досок, называвшийся *полати* или *нары*. Печи в них сооружали не только из глины и кирпича-сырца; например, в находившемся поблизости с. Прибрежном расслаивали булыжник и печи клали из него. Печь традиционно ставилась на землю, за ней, под нарами, также не было пола, это место могли использовать для содержания телят. Глинобитная печь сооружалась на прямоугольном деревянном опечке, который рубился из толстых широких плах и устанавливался на пол. Верхняя часть опечка, отделенная настилом, заполнялась глиной, которая утрамбовывалась, образуя *под*, на нем и сооружалась глинобитная топчанная камера. Пространство между полом и подом оставалось пустым и называлось «подпечек». В зимнее время там держали кур, прикрывая подпечек решетчатой дверкой. Первые поколения переселенцев не делали стоек для скота: зимой коров и даже свиней могли держать в хате. Позднее, в середине XX в., построив большие по размеру, чистые дома, потомки белорусских переселенцев уже не держали в них животных, для этого, в отличие от сибиряков, они использовали сени или рядом стоящую клеть со входом из сеней, что было зафиксировано в нескольких осмотренных постройках в д. Зарьбь. Отдельно стоящие во дворе стойки пе-

Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района...

реселенцы строили только для коней. Амбар предназначался для хранения зерна, а клеть в основном использовалась для хозяйственного инвентаря: дуг, хомутов, уздечек и т.д.

Большинство домов белорусских переселенцев, построенных в первой половине XX в., расположены широкой стороной вдоль улицы. Как и в Белоруссии, некоторые из них имели главный вход с уличного фасада (рис. 1). Часть домов были рублены в чашу, но имели более короткие выпуски бревен, чем в домах русских старожилов. При рубке углов присутствовало сомление бревен или уплощение их до овального сечения. В д. Леоново избы, приобретенные переселенцами у старожилов (судя по рубке углов и следам перемещения), стоявшие раньше торцом в улицу, были поставлены ими вдоль улицы боковой стороной. При перемещении изб меняли самцовую конструкцию крыши на стропильную или «полустропильную», у которой стропила врубались в верхние длинные венцы. Для крепления конструкции кровли переселенцы повсеместно использовали деревянные нагели. У домов со щипцовой крышей обязательно делали козырек на границе стены и фронтона (рис. 2), а также верхний напуск наветренного ската кровли над подветренным.

А

Б

Рис. 1. Дома с главным входом с уличного фасада (фото Л.А. Аболиной):

А — д. Карай, Братский р-н; Б — Беларусь, Воложинский р-н Минской обл.

Fig. 1. Houses with the main entrance from a street facade (photo by L.A. Abolina):

А — Karaj village of Bratsk district; Б — Belarus, Volozhinsk district of Minsk region.

А

Б

В

Рис. 2. Конструкции козырька (фото Л.А. Аболиной):

А, Б — крепление козырька, д. Зарбь, Братский р-н; В — дом с козырьком, центральная Беларусь.

Fig. 2. Peak designs (photo by L.A. Abolina):

А, Б — fastening of a peak, Zarb' village of Bratsk district; В — a house with a peak, Central Belarus.

Больше всего южнорусских элементов архитектуры сохранилось в д. Леоново. При постройке новых домов в 1920–1950-х гг., заменявших первые маленькие хаты, крыши делали четырехскатные, вальмовые (называвшиеся «круглыми»), со слуховым выходом или с верхним залобком (полуфронтоном). Кровля крыш на многих этих домах состоит из короткой тонкой щепы до 10 горизонтальных рядов на скате (рис. 3). Для обшивки фронтонов применялась и тонкая дранка длиной около 1 м. Она скреплялась поверху проволокой (такой способ был распространен на территории Белоруссии до конца XX в.). Только в д. Леоново встречаются дворовые постройки с крышей *на сохах*. В деревнях Зарбь и Карай была отмечена своеобразная конструкция полустропильных крыш (рис. 4). Для разгрузки стен рядом с ними укладывались еще два дополнительных продольных бревна, на которых при помощи деревянных нагелей фиксировались стропила, врубленные в вен-

цы стен. Потолок утепляли соломой, засыпанной сверху сырой утрамбованной глиной, что было распространено у белорусских переселенцев и в других регионах Сибири [Аболина, 2014]. До середины XX в. жители обследованных деревень пилили доски сами и в строительстве использовали деревянные гвозди. Дранье применяли до начала 2000-х гг. У переселенцев, в том числе у белорусов, были свои особенности его изготовления: сначала бревно раскалывали на четыре сегмента, получались *лековья*, а потом из них делали дранку. В отличие от русских старожилов, у переселенцев жилые постройки этого времени практически не имели декора. Наличники окон у большинства домов соединяются в ус и традиционно не имеют ставень. У маленьких окон старых построек еще остались вертушки от щитов, которыми их закрывали зимой. Двойные рамы получили распространение в этой местности только во второй половине XX в. Кроме топора и продольной пилы при строительстве использовали коловорот, сверло, перку и чертилку.

Рис. 3. Крыши из щепы (фото Л.А. Аболиной):

А — дом с полувальмовой крышей, крытой щепой (д. Леоново, Братский р-н); Б — дом с крышей и фронтоном из щепы, д. Леоново, Братский р-н; В — трехкамерная постройка с крышей, крытой щепой, Беларусь, Оршанский р-н Витебской обл.

Fig. 3. Roofs from spill (photo by L.A. Abolina):

А — a house with the partial hip («poluval'movaya») roof covered by spill (Leonovo village of Bratsk district); Б — a house with a roof and a pediment from spill, Leonovo village of Bratsk district; В — three-chambered construction with a roof covered by spill, Belarus, Orshansk district of Vitebsk region.

Рис. 4. Дома с полустропильной крышей (фото Л.А. Аболиной):

А — Братский р-н; Б — центральная Беларусь.

Fig. 4. Houses with a semi-rafter roof (photo by L.A. Abolina):

А — Bratsk district; Б — Central Belarus.

При раздаче земельных наделов размером в 1 га предписывалась их планировка, она сохранилась в д. Зарбь. В левом углу по лицевой стороне строился дом, в центре располагался двор, справа был огород, а позади двора — поле. Городьба с улицы состояла из *щитных* (т.е. плотно согнанных) заплотов, по сторонам делались заплоты с зазорами, также часто использовали частокол и плетеные изгороди.

Выводы

Анализ собранных в ходе экспедиции устных историй потомков белорусских переселенцев и визуальный осмотр их жилых и хозяйственных построек показывают, что специфические элементы традиционной культуры, привнесенные предками переселенцев из мест выхода, на се-

Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района...

годняшний день сохранились фрагментарно. Это связано как с адаптационными процессами и заимствованиями, так и с общими тенденциями модернизации жизненного уклада сибирской деревни, происходившими на протяжении XX — начала XXI в.

Адаптационные изменения в хозяйственной деятельности и материальной культуре переселенцев хорошо иллюстрируют слова Л.Ф. Тарасенко, проживающей в д. Карай: *В Сибири природа и климат заставили жить людей по-своему. Они уже стали больше жить как местные жители. Они меняли одежду. Лен они сажали в первое время, потом он начал вымерзать. Из продуктов стали есть больше мяса и рыбы. Морозы были под минус 50 градусов. Эти избы поставили уже после войны, а так были маленькие. Раньше, чтобы тепло держать, строили очень маленькие избы. Избы были однокамерные, снаружи их обмазывали глиной.*

В культуре питания первых поколений белорусских крестьян-переселенцев и русского старожильского населения Среднего Приангарья имелись существенные различия. Для старожилов сибиряков было характерным «преобладание мясной, рыбной, молочной пищи, меньшее (чем в других местах расселения русских) значение мучной и овощной, незначительный удельный вес в питании картофеля, относительно поздно освоенного и слабо распространенного» [Сабурова, 1967, с. 157]. В рационе питания белорусских переселенцев значительное место занимали такие овощи, как картофель и капуста, из мяса преобладала свинина. В отличие от русских старожилов, выращивавших пшеницу и часто готовивших пироги и сдобную выпечку, первые поколения белорусских переселенцев в основном употребляли в пищу ржаной хлеб. Рассказы об особенностях питания показывают, что семьи русских старожилов были, как правило, более зажиточными по сравнению с переселенцами. В то же время можно встретить примеры, которые свидетельствуют о том, что в процессе адаптации переселенцев к новым жизненным условиям первоначальные различия в культуре питания их и старожилов стали постепенно сглаживаться.

Поселившись в Сибири, белорусские переселенцы столкнулись с трудностями воспроизведения на новом месте отдельных технологий изготовления традиционной одежды. В первую очередь это было связано со сложностью выращивания льна, который вымерзал в отдельные годы, и отсутствием липового лыка. При этом первоначально белорусы пытались обратиться к сложившейся на их родине практике замещения наиболее распространенных материалов для изготовления одежды и обуви их аналогами (к примеру, изготовление лаптей из лозы, бересты или льняных веревок). В то же время более суровые природно-климатические условия Среднего Приангарья способствовали довольно быстрому заимствованию переселенцами у русского старожильского населения характерных для него видов верхней одежды, обуви и головных уборов.

Среди сохранившихся особенностей и элементов в строительной культуре были отмечены архаичные черты, обусловленные тем, что переселение велось из бедных перенаселенных регионов. На первом этапе это маленький размер жилых и небольшое количество хозяйственных построек, использование хаты, клетки и сени для содержания скота и ямы для хранения продуктов, конструкции крыш на сохах и распространение деревянных креплений, в отличие от сибиряков, у которых уже произошла их замена на металлические. В то же время на территорию Восточной Сибири частью переселенцев были привнесены более прогрессивные способы строительства: стропильная вальмовая и полувальмовая кровля со слуховыми окнами, своеобразные приемы обработки бревен (сомление, уплощение), а также рубка в угол (прямой и косой).

Экспедициями, проведенными нами ранее в Баяндаевском и Тулунском районах Иркутской области, были также обследованы деревни белорусских крестьян-переселенцев [Аболина, 2016]. Сравнивая полученные результаты, можно отметить ряд общих особенностей строительной культуры у белорусов, проживающих на территории Приангарья. К ним следует отнести полустропильную и вальмовую конструкции крыш, покрытие их короткой, тонкой дранкой, напуск наветренного северного или западного ската над южным или восточным. Повсеместным было отсутствие декора в оформлении жилища и ставень на окнах с простыми наличниками, вместо которых в Баяндаевском районе использовались соломенные маты, а в Тулунском и Братском районах вставные щиты. В числе отличий в Баяндаевском районе был зафиксирован прием рубки в «простой замок» из окантованного с двух сторон бруса, имеющий сходство с рубкой в охряпку и применявшийся в случаях, когда строить приходилось из тонких или неровных бревен. Использование различных строительных приемов переселенцами свидетельствует о традициях, привнесенных из разных регионов Белоруссии, а сохранение построек дворового комплекса было отмечено в деревнях, где до сих пор занимаются сельским хозяйством и скотоводством [Титов, 1983, с. 62–69].

По сравнению с недвижимыми объектами традиционной материальной культуры, сохранившимися во многих дворах обследованных деревень, такие ее проявления, как пища и одежда, оказались быстрее подвержены трансформациям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аболина Л.А. Некоторые особенности и детали строительной культуры Белорусских переселенцев в Тарском районе (по результатам экспедиции 2013 г.) // Материалы VII регион. науч.-практ. конф. «Вагановские чтения», посвященной 420-летию со дня основания г. Тара. Омск, 2014. С. 6–12.

Аболина Л.А. Белорусская усадьба в Иркутской области // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 5–11.

Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. М.: Форум, 2012. 280 с.

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. 232 с. Ч. I: Приангарье.

Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье // СЭ. 1956. № 3. С. 52–68.

Герасимов А.С. Региональное самоназвание псковичей «скобарь»: Историко-географический анализ // Историческая география России: Ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): Материалы V Междунар. конф. по исторической географии. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 164–167.

Глушенко М.А. Опыт проведения этнографических экспедиций БГОМ // Братская земля: От истоков — до города: Материалы регион. науч.-практ. конф. (Братск, 2 дек. 2016 г.). Братск, 2017. С. 26–31.

Майничева А.Ю. Мироззренческие аспекты памяти об образовании русских старожильческих поселений Среднего Приангарья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. XIX. С. 472–475.

Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Домостроение русских старожилов в Среднем Приангарье: (Новые результаты полевых исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 375–377.

Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Русские старожильческие поселения Приангарья: Проблемы и результаты этноэкологического моделирования // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 281–287.

Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Скобари: Историческая зрелость границ и региональная идентичность в Псковской области // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 28–38.

Молчанова Л.А. Материальная культура белорусов. Мн.: Наука и техника, 1968. 232 с.

Отчет о работе экспедиции Братского отделения по обследованию памятников деревянного народного зодчества. Август 1975 г. // Фонды Братского объединенного музея истории освоения Ангары. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 38. 5 л.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья: Конец XIX — XX в. Л.: Наука, 1967. 280 с.

Титов В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX — начало XX в. Мн.: Наука и техника, 1983. 152 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX — первая треть XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 296 с.

Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Император. академии наук, 1903. Т. III. 539 с.

R.Yu. Fedorov, L.A. Abolina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: r_fedorov@mail.ru

NPO «Krasnoyarsk Geoarcheology»
Prospekt Mira, 25, build. 1, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
E-mail: larisa-abolina@yandex.ru

MATERIAL CULTURE OF BELARUSIAN MIGRANTS IN THE BRATSK DISTRICT: IDENTITY MARKERS

At the beginning of the 20th century, migrants from Belarus, Ukraine and the Pskov province founded a number of settlements in the territory of the Central Angara region. Migrants brought with them the specific features of their traditional culture and economic activity, which were different from those typical for the local Russian population. The empirical basis for the research was formed by the materials of an ethnographic expedition conducted in 2017 in the territory of the Bratsk district (Irkutsk region, Russia). The research was aimed at identifying various markers of the ethnocultural identity of Belarusian peasant migrants in their material culture and at investigating the interactions of Belarusians with their ethnic environment. It is found that the ethnic identity of Belarusian migrant descendants is currently characterized

by a high level of variability across different families. Certain representatives of the senior generation consider themselves as Belarusians. At the same time, the majority of informants emphasize in their oral stories that only their ancestors were Belarusians. The culture of food among the first Belarusian migrants had a number of distinct features. Thus, in comparison with Russian settlers, Belarusians tended to consume more vegetables, rye bread and pork. The first generation of the Belarusian migrants preferred to make clothes according to their ethnic traditions; however, the subsequent generations of migrants borrowed many clothing items from the local population, which were more practical for the local climatic conditions. A visual survey of dwellings and other buildings indicates that the national architecture of the Belarusian migrants still have a number of features introduced from their homeland. At the same time, these features have undergone certain transformations over the course of the 20th century, as a result of adaptation to a more severe climate and introduction of improved construction technologies. In comparison with the immovable objects of traditional material culture, the transformation of such cultural manifestations as cuisine and clothing is shown to be a more prolonged process.

Key words: Belarusians, Bratsk district, peasant resettlements, ethnocultural identity, subsistence, material culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-147-155

REFERENCES

- Abolina L.A. (2014). Some features and details of construction culture of the Belarusian immigrants in Tarsky district (by results of an expedition of 2013). *Materialy VII regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii «Vaganovskie chteniya», posvyashchennoj 420-letiyu so dnya osnovaniya g. Tara*, Omsk, 6–12.
- Abolina L.A. (2016). The Belarusian estate in the Irkutsk region. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, (2), 5–11.
- Berezhnova M.L. (2012). *Riddle of cheldon: History of formation and feature of culture of Old settlers population in Siberia*, Moscow: Forum, 280.
- Fursova E.F. (2015). *Traditional clothes of Russians and other Eastern Slavs in the southern regions of Western Siberia (end of the 19th — first third of the 20th century)*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
- Gerasimov A.S. (2015). Regional self-name of residents of Pskov «Skobari»: Historical and geographical analysis. *Istoricheskaya geografiya Rossii: Retrospektiva i sovremennost' kompleksnyh regional'nyh issledovanij (100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii «Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva»): Materialy V mezhdunarodnoj konferencii po istoricheskoy geografii*, St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A.S. Pushkina, 164–167.
- Glushenko M.A. (2017). Experience of carrying out ethnographic expeditions of BGOM. *Bratskaya zemlya: Ot istokov — do goroda: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii (Bratsk, 2 dekabrya 2016 g.)*, Bratsk, 26–31.
- Majnicheva A.Yu. (2013). World outlook aspects of memory of formation of the Russian Old settlers settlements of the Central Angara region. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*, (XIX), 472–475.
- Majnicheva A.Yu., Gluhih E.I. (2014). Housing construction of the Russian Old settlers on average Angara region: (New results of field researches). *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*, (XX), 375–377.
- Majnicheva A.Yu., Gluhih E.I. (2015). Russian Old settlers settlements of Angara region: Problems and results of ethnoecological modeling. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 14(7), 281–287.
- Makoveckij I.V., Maslova G.S. (Eds.) (1971) *Life and art of the Russian population of Eastern Siberia. Part I: Angara region*. Novosibirsk: Nauka.
- Manakov A.G., Evdokimov S.I. (2013). Skobari: A historical maturity of borders and regional identity in the Pskov region. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, 2(1), 28–38.
- Molchanova L.A. (1968). *Material culture of Belarusians*, Minsk: Nauka i tekhnika.
- Saburova L.M. (1967). *Culture and life of the Russian population of the Angara region: End of the 19th — 20th century*, Leningrad: Nauka.
- Shejn P.V. (1903). *Materials for studying of life and language of the population of the Northwest region, III*, St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk.
- Titov V.S. (1983). *Historical and ethnographic division into districts of material culture of Belarusians: XIX — the beginning of the 20th century*, Minsk: Nauka i tekhnika.
- Vagner G.K. (1956). Wooden architecture of the Russian old residents on average Angara region. *Sovetskaya etnografiya*, (3), 52–68.